

ЭЛ РИГБИ

КАПИТАН
ДВА ЛИЦА

Издательство АСТ
Москва

Fabryei

Вы — мой Валентин Катаев.
Спасибо, что подарили компас.

Моей маме
Замечательной.

Моим Офицерам
Без вас никуда.

И всем, кто ищет свою гавань или свою бурю
Вы найдете.

ПРОЛОГ

*Пощади меня, боже, избавь от оков!
Их достойны святые — а я не таков.
Я подлец — если ты не жесток с подлецами.
Я глупец — если жалуешь ты дураков.*

Омар Хайям

Пропаший смотрел с городских стен и молча о чем-то спрашивал, а может, просил. Королевский живописец подчеркнул его длинные темные локоны, резкие скулы и упрямый подбородок, а для глаз использовал яркую синюю краску. Рисуя, он очень спешил. Вышло неаккуратно, но всё равно *пропавшего* невозможно было не узнать, ведь вряд ли кому-то не встречались раньше его портреты. Этот — последний, а может, и посмертный, — размножили на большем числе листов, чем уходило обычно на утренние новости. К рассвету портрет расклеили по всему Ганнасу и округе. И сонная столица заволновалась, заметалась, как в лихорадке.

А новостей в тот день не напечатали вообще. Пропаший и был главной и единственной важной новостью, хотя я думаю, головоломки с перепутанными словами и сплетни о дворах Заморья в разы интереснее. Даже объявления о продаже гусей, чьих-то союзах, размолвках и смертях — интереснее. Но в тот день всё это забыли.

«Вы видели?»

«Вы знаете?»

«2000 варров за улицу, по которой он прошел!»

«Любой благородный титул за место, где он прячется!»

«Корабль за имя того, с кем его видели в последний раз».

«Рука принцессы за его спасенную жизнь».

Король, и советники, и стража — все тогда много обещали. Любое обещание, будь оно выполнено, перевернуло бы чью-то судьбу. Но их не выполнили. Потому что бумажки с аляповатым портретом и красивыми цифрами не помогли, хотя их становилось все больше и больше, а обещания — краше и краше.

Я знаю это точно. Откуда? Может быть, потому что в тот день ходил по улицам и срывал один портрет за другим, понимая, что не сорву все, но все-таки постараюсь. Может быть, потому что еще три или четыре Полукруга, от Большого Прилива до Большого Отлива, все говорили только о случившемся с бедным мальчиком. Одна история была страшнее другой, но я честно собирал их все, как иные собирают редкие морские раковины или насаживают на иголки бабочек, чтобы украсить мертвыми крыльями мертвые стены.

А может быть, потому что тот, чье имя и прозвание вскоре перестали произносить, заменив на безликое, грустное слово «*пропавший*», — это я.

И сегодня я возвращаюсь домой.

ЧАСТЬ 1
КОРОЛЕВСКАЯ
РОЗА
И КОРОЛЕВСКИЕ
СОКОЛЫ

1

НЕСПЯЩИЙ

Тело под слоем полупрозрачной соли казалось живым, и его можно было отчетливо рассмотреть. До последней черты лица, сильно постаревшего, но все еще красивого; до последней волны седых волос; до последнего сверкающего самоцвета на рукояти меча. Да, верный меч тоже лежал здесь: в сложенных у груди руках, он словно разрезал силуэт пополам. Россыпь камней — морских фариллов, блестящих в переплетении узоров, — была такой же синей, как застывшие глаза.

Всем мертвецам Альра'Иллы смыкали веки, когда приходил их последний сон. Всем, кроме королей: они не смели спать, им предстояло бдеть, охраняя покой своего народа. Так поступили и с королем Таллом. Сколько бы страданий он ни перенес при жизни, он обязан был выполнять свой долг, смотреть сквозь кристальную толщу на тех, кто остается жить. Так же, как и все, кто правил до него и сейчас лежал рядом, в ряду таких же соляных гробниц Ора'Илла — Сонных пещер. Все эти мертвецы глядели остановившимися глазами, одинаково синими, как ночная вода. Видели ли они что-то? Жалели кого-то? Тосковали по живым голосам и живым ошибкам?

Пальцы, унизанные множеством колец, с ласковой осторожностью провели по соляной толще. Синие глаза — такие же синие, как у *неспящего* с той стороны — медленно скользнули по мечу. От сияющего лезвия к рукояти, а оттуда — к запрокинутому лицу.

— Если бы я знал, что опоздаю. Если бы я знал.

Голос был тихим. В звучании слышался чуть уловимый акцент: слишком размытые окончания большинства слов, свойственные жителям Заморских Станиц. И голос едва уловимо дрожал.

— Дуан...

Он обернулся. Гибкая тень стояла на входе и крепко сжимала в руке длинную, такую же гибкую, как она сама, плеть-фенгу.

— Они уже узнали, Дуан. Они идут сюда.

— Сколько? — Он потянулся к застежкам своего камзола с рассеченными на манер птичьего хвоста лапами.

— Мало. Пять швэ* в лучшем случае. Они минуют перевал.

Дуан криво усмехнулся, стаскивая одеяние с плеч и небрежно бросая девушке; она поймала и перекинула через плечо. Уважительно кивнув, он принялся за перетягивавший поясницу ремень, на котором обиженно загремели самые разные предметы: ключи, легкие жестяные флаконы, тканевые мешочки с порошками и кинжалы. Подумав, он оставил один нож, один мешочек и один флакон — рассовал по карманам штанов, которые едва прикрывали колени и подошли бы скорее подростку. Остальное со звоном полетело за одеждой следом и тоже было легко, даже виртуозно поймано.

— Пять швэ — куча времени для пирата, — сообщил он, оправляя белую, не застегнутую, сильно жавшую в плечах рубашку. — Я что-то забыл, Дарина?

Прозвенел короткий звук, похожий на свист, затем — щелчок. Дуан ощутил движение воздуха где-то возле уха, а в следующее мгновение на его голове не было привычной темной шляпы с прикрепленным сзади алым «хвостом». Шляпа оказалась в черных, почти как уголь, руках.

— Это.

— Спасибо. — Теперь он повернулся всем корпусом, чтобы посмотреть на нее в последний раз. — Что бы я без тебя делал.

* Примерно десять минут по нашему времени. — *Здесь и далее примечания автора.*

Дарина опустила блеснувшие в темноте золотистые глаза и поправила волосы.

— Может, ты передумаешь, Дуан? Это... риск. Занять место того, кто назначил за твою голову семь тысяч варров награды.

— Это долг, — возразил он. — И я его отплачу так, как смогу. Надеюсь, мне не понадобится слишком много времени. Благо, это будет проще, чем кажется.

— Дуан, а если *она*...

Приглаживая волосы, он бодро подмигнул.

— Ты же знаешь, я не сдаюсь. А еще не проигрываю, проигрывают обычно мне.

Вдалеке что-то гроыхнуло, потом затрубило. Двое знали этот звук, но даже не вздрогнули.

— Уходи. И не забудь... — Вспомнив еще кое-что, он принялся снимать кольца и одно за другим ссыпать в оставленный мешочек, небрежно, как срываемые с кустарника крупные орехи. — Для команды я отправляюсь на Совет гильдии Соколов. Чтобы мы наконец стали не просто пиратами, а личными пиратами Доблестной Монархии Тиван. С пактом на разбой и без страха быть вздёрнутыми, как сухопутное ворьё.

Она вздохнула, переступив с ноги на ногу.

— Что потом? Ты же не добудешь эту бумагу, Дуан. А они будут надеяться.

Он пожал плечами и — заключительная деталь — вынул из ушей тонкие серьги. Кинул в тот же мешочек и перебростил своей помощнице. Она опять поймала, стоило ли ожидать другого?

— Может быть, я добуду что-то, что понравится им не меньше. И тебе. И Багэруну. Ладно, хватит. Присматривай за ними всеми. — Он помедлил, подумал и все же прибавил: — За некоторыми особенно. И пожалуйста... не попадитесь. Только не сейчас.

Дарина кивнула, покусывая губы. Он не отказался бы ее обнять, но она держала столько вещей, что было как-то неудобно. Поэтому он просто прижал руку к груди и низко,

галантно поклонился — тем изящным движением, каким чаще кланяются пираты *совсем другой гильдии*. Взглянув исподлобья, отведя за ухо прядь длинных темных волос, он выпрямился.

— Удачи, Дарина. Надеюсь, еще увидимся. Нет, не так. Уверен.

— Дуан. — Глаза снова блеснули. — Ты... ведь не бросишь нас? Даже если тебе неожиданно *понравится* твое прошлое?

— Еще одно такое подозрение, и я тебя зарежу. План пойдет насмарку, но я не пожалею.

Говоря, он насупился так грозно, как только мог. Правда, с излишне пышными усами — намеренно отпущенными — и неопрятной бородой вид уже был не столь лихой и опасный, сколь раньше, скорее смешной до нелепости. Будто из пещеры выбрался, впрочем... что это он? Он ведь *именно* оттуда и выбрался, и *все* должны узнать об этом как можно скорее, *уверовать* и возблагодарить всех богов, до которых дотянутся. Вот только бородаща, будь она проклята, отвратительно чесалась. Ох... Благо, до возможности побриться все равно оставалось недалеко. Если, конечно, авантюра срастется: умирать грязным бродягой было бы крайне грустно и даже позорно. Дуан поморщился и поскреб подбородок длинными ногтями.

— Хорошо. — Дарина кивнула и помедлила. — Кстати... тебе просили кое-что передать. Багэрон.

Внутри что-то знакомо, по-детски сжалось. Дуан вновь прислонил одну ладонь к соляной гробнице и как можно более равнодушно спросил:

— Что же мне хотел сказать *Железный*, чего не сказал сам?

— Он верит в тебя, что бы ни случилось. Но если проиграешь и как-то повредишь нам, он тебя выпотрошит и без потрохов вздернет. Всё.

— *Всё*... — повторил Дуан и снова улыбнулся. — Славно. Можешь передать, что я крайне тронут такой любовью. И если меня не прикончит по дороге кто-нибудь ещё, буду

думать именно о его обещании. А теперь хватит соплей. Проваливай. Хороших вам ветров.

Беспокойство усилилось стократ, стоило гибкой тени согнуть. Последнее верное существо, *нуц* с родовым именем Дарина, Черный Боцман, с которой Дуан однажды в одиночестве брал на abordаж медицинский корабль, когда все остальные лежали, распухшие от зураны. Да, в ее присутствии план — как и почти все другие планы — казался куда выполнимее. Без нее же Дуан впервые задумался о том, что сейчас ему могут просто пустить в затылок пулю, не траться на вопросы и предупреждения. Королевская стража никогда не славилась способностью вникать в происходящее глубже, чем на выстрел или удар меча. Диковатая Стража Гробниц, не привыкшая лицезреть живых гостей в своих владениях, — особенно.

И все же Дуан вновь повернулся ко входу спиной, склонил голову и посмотрел в глаза мертвого короля. Они не выражали ничего: ни облегчения, ни радости, ни скорби. Возможно, именно сейчас король всё же спал, просто не смежая век.

— Ты бы понял. Или велел меня повесить.

Больше Дуан ничего не сказал в следующие три швэ, пока звуки торопливых шагов не наполнили затхлый воздух. Пират стоял — прямо и недвижно, руки по швам. Стоял, надеясь, что сзади не видно: колени предательски дрожат, как у глупого желторотого юнги. И вот-вот...

— Ни с места! Замри, вор! Ты осквернил усыпальницу государей, да хранит нас их сиятельный взор! Повернись!

Предсказуемое начало почему-то успокоило. Дуан лениво подумал о том, что за время длинной тирады мог бы перестрелять как минимум половину наряда, а парочку увальней — зарезать. А потом он плавно, медленно, не переставая демонстрировать пустые руки, развернулся; босые ноги неприятно заскребли холодные камни.

— Доброго вечера.

Говоря, он уже встал так, чтобы заросшее лицо стало лучше видно в неровном свете факела. Лицо, мало чем

отличающееся от лица *уснувшего* короля, будь он молоде и не разучись улыбаться. Лицо, которое знал каждый стражник, потому что обязанность высматривать в толпе эти черты была для них такой же неоспоримой, как две другие: дышать и носить клинок.

Высматривать. Искать. Верить. Тщетная и, казалось, невыполнимая обязанность уже на протяжении десяти, почти одиннадцати Приливных Кругов.

— Я, — громко и четко заговорил Дуан, — *Йно ле Спада* да *Аларí*, наследник королевского рода. Боги вернули мне свободу. И я пришел занять место моего отца.

Каждое слово подобно пуле находило цель, а последним выстрелом стала *роза*: вспыхнула алым светом в центре приподнятой левой ладони. Детальный рисунок, королевский гербовый цветок, каким от рождения отмечен лишь род *ле Спада*, род *перворожденных монархов*, потомки богов. И какой обязательно проступает на коже, стоит любому наследнику произнести свое полное имя, включая последнее, «малое», прозвание. Прозванием Ино было «Алари». *Сокол*. Двусмысленное, сейчас — двусмысленное, как никогда прежде.

— Принц... это принц!..

Один за другим стражники падали ниц и бросали перед собой клинки и пистолеты. Никто пока не решался подступить, даже подползти ближе. Дуан тоже не двигался. Его мысли были далеко от неотесанных перепуганных людей в синих форменных плащах. Очень далеко. В море, по которому уходила от бухты остроносая баркентина. Дарина, наверное, стояла у штурвала, а может быть, там с ней стоял кто-то другой. Возможно, они, те двое, как всегда смеялись.

«*Он верит в тебя*». Так Дарина сказала?

Он верит, никто и не сомневался. Но вот провожать не стал.

Покусывая нижнюю губу, принц Альра'Иллы Ино ле Спада, или капитан пиратского судна «Ласáрра» Дуан Тайрэ, обернулся. Его настоящий, не дождавшийся встречи

отец лежал под толщей соли и смотрел синими усталыми глазами, смотрел, не приветствуя, не напутствуя и не проклиная. *Здесь*. И Дуан должен был скорбеть чуть больше о нем, а не о другом, чужом родителе. Скорбеть, не думая, как хотел бы навечно свести королевскую розу с ладони.